

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов IV (XVIII)
Международной конференции молодых ученых
(20–22 апреля 2017 г.)

Выпуск 18

Том 2. Литературоведение

Издательство Томского университета
2017

Галькова А.В., ТГУ, аспирант

Galkova A.V., TSU, postgraduate student

Пространственно-временная организация мемуарно-автобиографической прозы К. А. Коровина

The spatiotemporal organization of K. Korovin's autobiographical prose

В статье рассматривается мемуарно-автобиографическое произведение К. А. Коровина «Моя жизнь» в аспекте пространственно-временной организации. Выделяется идеальная модель мира, формируемая автором-повествователем в воспоминаниях о детстве, и оппозиция Москва – деревня, отражающая эстетические взгляды художника.

The article deals with the aspect of the spatiotemporal organization of K. Korovin's autobiographical prose My Life. The ideal model of the world in the recollections of the childhood is identified. The artist's aesthetic views are reflected in the opposition Moscow – village.

Ключевые слова: пространственно-временная организация, мемуарно-автобиографическая проза, К. А. Коровин.

Key words: spatiotemporal organization, autobiographical prose, K. Korovin.

Научный руководитель: Воробьева Татьяна Леонидовна, канд. филол. наук, доцент

Константин Алексеевич Коровин – блестящий живописец-станковист и театральный декоратор, связавший два этапа в истории русского искусства – передвижничество и авангард. К. А. Коровину было присуще импрессионистическое мироощущение, выражавшееся в способе целостного, нерасчлененного «схватывания» жизненного потока в единицу исторического времени. «Творчество Коровина представляет собой *inter-esse* – способ существования “в промежутке”, в ситуации смены одного типа визуального восприятия другим»¹.

Обращение к пространственно-временной организации мемуарно-автобиографического произведения К. А. Коровина «Моя жизнь» позволяет выявить основные координаты авторской художественной модели мира.

Мемуарно-автобиографическое произведение К. А. Коровина «Моя жизнь» (1935) состоит из одиннадцати глав, семь из которых выстроены как линейное ретроспективное повествование о детстве автора-повествователя.

Начальные события разворачиваются в топосе Москвы и ее окрестностей, однако пространство Москвы организовано различными локусами: домом деда в Рогожской улице, где родился и жил автор-повествователь до разорения отца; небольшим деревянным домом няни Тани, где автор-повествователь находился во время своей детской болезни; домом и имением поблизости Царицына за Москвой-рекой бабушки Екатерины Ивановны; домом фабриканта Збука в Долгоруковской улице, куда переехала семья после того, как был продан дом деда; дачей тетки Алексеевой в Петровском парке. Смена локусов вызвана частыми переездами семьи, каждая смена пространственных координат отмечается указанием календарного времени.

Помимо реальных пространственных координат, в автобиографическом повествовании существует фикциональное идеальное пространство – мыс Доброй Надежды, к поискам которого на протяжении первых глав стремится автор-повествователь. Отталкиваясь от эстетически привлекательных изображений природы на коробочках с лекарствами, на рисунках матери, автор-повествователь продуцирует в собственном воображении визуальный образ мыса Доброй Надежды. Мыс Доброй Надежды, в понимании автора-повествователя, представляет неограниченное свободное природное пространство, противопоставленное искусственному ограниченному пространству, например, «нарядной, выкрашенной желтой краской»² даче тетки Алексеевой (многократно подчеркивается желтый цвет дачи, который не нравился автор-повествователю, когда он был ребенком, однако в живописи художник интенсивно использовал охру). Топос мыса у автора-повествователя ассоциируется с музыкой, его визуальное представление связано с образом розовых облаков (очевидно, что два пространства противопоставляются по цвету). Помимо описания внешней стороны желаемого идеального мифического пространства, автор-повествователь вкладывает в него «содержательное», этическое наполнение: мыс – это место, где нет злых людей. Также в сознании автора-повествователя, рассказывающего о своем детстве, топос мыса становится объектом детского наивного фикционального повествования: «Туда бы взял с собой собаку Дружка, жил бы с ним, там маленькое окошко, дремучий лес – я поймал бы оленя, его бы доил, еще»³.

Идея мыса Доброй Надежды находит на некоторое время реальное воплощение в пространстве деревни Большие Мытищи – огромный сосновый лес, в котором автор-повествователь охотился мальчиком со своими друзьями. Однако вскоре автор-повествователь фиксирует, что его точка зрения изменилась, а мыс Доброй Надежды все еще остается недостижимой мечтой, которая мыслится абстрактно – «там, где синяя даль»⁴ (акцент на концепте цвета). Следующей локализацией мыса Доброй Надежды становится избушка в лесу, в которую автору-повествователю захотелось переехать жить, но пережитая в ней страшная бессонная ночь, по всей видимости, разубедила его в этом намерении. Возможно, это было приобретение и «потеря» мыса Доброй Надежды, поскольку в дальнейшем повествовании данный топос больше не фигурировал. Это понятие утрачивается в связи с взрослением героя и обретением им реального бытийного пространства – русской природы вообще.

Внимание автора-повествователя переключается на топос Москвы, от которого он пространственно удален. Обобщенный образ города создается как противопоставление частным конкретным природным объектам, которые художник-повествователь наделяет цветом: «бочагам воды», «цветам – лиловым султанам, которые стоят у ольхи... И эти ольхи зеленые отражаются в воде, как в зеркале, и там синее небо, а наверху, вдали синюют далекие леса»⁵. В противоположность деревне, лесу – Лосиному острову (где проходит значительная часть детства автора-повествователя и происходит его художественное станов-

ление), пейзажи которых многократно воспроизводятся в автобиографическом тексте, топоним города строится в воспоминаниях в позиции вненаходимости автора-повествователя в данном пространстве и времени. Москва сопоставляется с деревней на нескольких уровнях: на уровне цвета – пространство лишено красок (в то время как на живописных полотнах художника она запечатлена во всем разнообразии красок и форм – «Красная площадь в Москве», 1910; «Старая Москва»); образ не распадается на детали; его описательная характеристика сводится к каменным мостовым (автором-повествователем подчеркивается именно искусственная составляющая – рукотворные объекты); в Москве люди чужие, злые, в деревне – родные и добрые; Москва вытягивает деньги, в деревне никто не просит денег; в Москве рассказывают все, что бывает, в деревне, наоборот, то, чего не бывает. Таким образом, пространство деревни становится идеализированной моделью детского мира, поскольку утрачивается объективное к нему отношение, субъективно отбираются его компоненты, что объясняется детским мировоззрением. Природный мир дает возможность уйти от людей, ограничить круг общения до минимального, к тому же это пространство свободного бытия, в нем реальность подавляется фантазией, вера в вымысел позволяет уходить от житейских проблем, тем сильнее становится «радость жизнь», которую в своем живописном творчестве пропагандировал художник-повествователь.

Таким образом, в автобиографическом повествовании мы наблюдаем конструирование автором-повествователем идеальной модели мира, под которую он стремится подстраивать действительность, однако полного совпадения не происходит. Природа становится источником творческого вдохновения художника-повествователя, мотивом и темой его изобразительного искусства, в котором он может в полной мере реализовывать свое творческое преобразование действительности. Пространство и время в автобиографии тесно связаны, изменения, происходящие в системе пространственных координат – смена локусов, всегда приурочены к конкретному календарному времени года, поскольку это позволяет автору-повествователю вербализировать визуальные трансформации.

Таким образом, художественная модель мира в воспоминаниях о детстве в автобиографии «Моя жизнь» К. А. Коровина определяется реальным топонимом Москвы, фикциональным топонимом мыса Доброй Надежды, топонимом деревни и природным топонимом в его вариантах. Природный топоним является доминирующим и организующим в автобиографическом повествовании, что соотносится с изобразительным искусством художника-повествователя, для которого русские пейзажи были основной темой творчества.

¹ Мамонова В. Коровин. Великие художники. Альбом 58. – М., 2010. – 52 с.

² Коровин К. А. «То было давно... там... в России...»: Воспоминания, рассказы, письма: В двух кн. Кн. 1. «Моя жизнь»: Мемуары; Рассказы (1929–1935) / Сост. Т. С. Ермолаева. – М., 2010. – С. 38.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 39.

⁵ Там же. – С. 40.